

Плутарх О том, что пифия более не прорицает стихами filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Плутарх О том, что пифия более не прорицает стихами

действующие лица диалога: Басилокл, Филин.

Басилокл. Долго же, Филин, вы показывали гостю посвященные памятники; я уж потерял надежду вас дождаться.

Филин. Да мы, Басилокл, шли медленно, сея речи и пожиная споры жаркие, задорные, которые, словно спарты, [1 - Спарты («посеянные») – эпитет воинов, выросших из зубов убитого Кадмом дракона. Этот мифологический образ выполняет здесь чисто стилистическую функцию, связывая два разных понятия: «словесного сражения», «споры» и «разрастания» Ср. Paus., IX, 10, 1.] всходили и разрастались тут же по дороге.

Басилокл. Так что же, позовем мы кого-нибудь из участников или сам ты желаешь доставить нам удовольствие и рассказать, что это были за речи и кто их произносил?

Филин. Видно уж, Басилокл, это мое дело. А то из других тебе нелегко будет найти кого-нибудь в городе: я видел, что очень многие пошли сейчас вместе с гостем в Корикий [2 - Корикий – гrot на Парнасе примерно в двух часах ходьбы от Дельф. Ср. Paus., X, 6, 2-3 и 32, 2.] и Ликорию. [3 - Ликория (Λικορία); чтение, принятное Платоном, – Λικούρια (Лику-рия) – легендарный город на Парнасе, см. Paus., X, 6, 2.]

Басилокл. Так значит, гость наш большой охотник смотреть и еще больше – слушать?

Филин. А пусть того он охотник до знаний и поучения. Однако всего удивительнее не это, а его любезная обходительность и общительность, потому что он умеет спорить без насоков, дерзостей в ответах. Так что, уже немного побыв с ним, ты скажешь: «Вот добрый отпрыск доброго отца» – ты ведь знаешь Диогениана, [4 - Диогениан Старший выведен Плутархом в «Застольных вопросах» (VII, 7, 8; VII, 1, 66; 2; 9), где он принимает живое участие в разговорах на самые разнообразные темы и обнаруживает большую начитанность и осведомленность в литературе классического периода, чему импонирует место его происхождения, названное Плутархом, – Пергам. «Вот добрый отпрыск доброго отца» – пословица, ср. Plato, Resp. 368 A.] какой он прекрасный человек.

Басилокл. Сам я, Филин, его не видал, но встречался со многими, кто отлично отзывался о его речах и характере: нечто подобное этому говорилось и о юноше.

2

Филин. Храмовые проводники излагали нам все, что положено, и совсем не слушали наших просьб сократить объяснения и миновать многие надписи. Гостя же нашего мало трогали вид и отделка статуй: он, должно быть, много перевидел прекрасных вещей, а восхищался он тем, что патина на бронзе похожа не на грязный налет или ржавчину, а на светлую лазурь, так что даже статуи навархов, [5 - После битвы при Эгиспотамах (405 г. до н. э.) Лисандр поставил в Дельфах бронзовые статуи всех навархов и свою (Plut., Lys. 18).] с которых начинается осмотр, стоят, играя цветами так, словно только что вышли из морских глубин. «Наверное, – сказал он, – был у старинных медников какой-нибудь особенный состав или смесь вроде той пресловутой отделки лезвий у мечей, с прекращением которой бронзе пришлось отдохнуть от бранных дел? Ведь говорят, что так называемая коринфская бронза обязана своим красивым цветом не искусству, а случаю: когда сгорел дом, где хранилось золото, серебро, но больше всего меди, все это сплавилось и смешалось, и сплав этот стал называться коринфской бронзой, потому что в нем бронзы было больше всего». Но Теон перебил его: «Мы слышали этому другое, более остроумное объяснение: будто бы один коринфский медник нашел ящик, полный золота, и, боясь, как бы это не открылось, стал небольшими кусочками

Плутарх О том, что пифия более не прорицает стихами filosoff.org отрубать и подмешивать понемногу золота к бронзе; получился дивный сплав, и он дорого продал свою работу тому, кто оценил красоту этого цвета. Впрочем, и это тоже сказка: просто, по-видимому, была какая-то смесь и обработка, вроде как теперь у тех, кто смешил золото и серебро и получает особенную и необычную желтизну, на мой взгляд, даже болезненную». [6 – Сплав золота и серебра, применяемый в античности для чеканки и полуды, под названием γήθειστρον, упоминается Страбоном (III, 2). Коринфская бронза описана у Павсания (II, 3, 3) и более подробно у Плиния Старшего, который говорит о ее трех видах: беловатая, с серебристым отливом от содержащегося в ней по преимуществу серебра, желтая, с золотистым отливом – от избытка золота, и третья – цвет ее Плинием не обозначен, – содержащая все три компонента в равных частях (NN, XXXIV, 3).]

3

«Отчего же, по-твоему, – сказал Диогениан, – здешняя бронза приобрела свой цвет?» А Теон ответил: «Когда существовали, как считается, естественные первичные стихии: огонь, земля, воздух, вода, то из них соприкасался и взаимодействовал с медью только воздух, и понятно, что под этим-то воздействием медь и получила особое, всегда ей присущее и свойственное качество. Или ты скажешь мне как комический поэт:

Так певали еще до Феогнида[7 – Страна из произведения неизвестного комедиографа.] –

и пожелаешь узнать, какова природа воздуха и откуда в нем способность окрашивать медь, соприкасаясь с ней?» Диогениан подтвердил, и Теон продолжал: «И я, сынок, хочу того же; так давай подумаем, и прежде всего, если хочешь, вот о чем: почему из жидкостей масло больше всего способствует появлению патины? Не само ведь оно наносит патину: с бронзой оно соприкасается чистым и незамутненным».

«Конечно, нет, – сказал юноша, – причина здесь, по-моему, другая: сквозь тонкое, чистое и прозрачное масло патина становится особенно заметной, а в других жидкостях она невидима».

«Отлично, сынок, – сказал Теон, – а не хочешь ли ты рассмотреть и ту причину, о которой говорит Аристотель?»

«Конечно, хочу», – ответил Диогениан. «Так вот, Аристотель говорит, что тонкая природа иных жидкостей растворяет и рассеивает в себе патину незаметно, так как частицы их неравные и неплотные; а плотное масло, наоборот, собирает и закрепляет патину на поверхности бронзы. Может быть, мы и сами могли бы предложить подобное объяснение, чтобы оно, словно заклинание, рассеяло трудность». [8 – Из неизвестного сочинения Аристотеля.]

4

Так как мы ему позволили и просили продолжать, он сказал: «Воздух в Дельфах плотный и сгущенный: из-за отпора и сопротивления окрестных гор в нем копится сила; к тому же он и тонкий, и едкий, как видно по здешнему пищеварению. И вот, окружая бронзу и благодаря своей тонкости проникая в нее, он вытягивает из нее слой землистой патины; и так как плотность давящего воздуха не позволяет ей улетучиться, то она ложится на бронзу покровом, и ее так много, что бронза под ней начинает цвести и приобретает снаружи блеск и сияние». Мы согласились, а гость сказал, что для объяснения достаточно и одного лишь допущения. «Думается, – сказал он, – что тонкость воздуха противоречит его плотности, о которой говорилось, и ее предполагать нет надобности; бронза, старея сама по себе, выдыхает и испускает патину, которая, подвергаясь стеснению и сжатию от плотного воздуха, из-за своего большого количества становится явственной». Но Теон перебил его: «А разве не может быть, милый гость, чтобы один и тот же предмет был и тонким, и плотным? Таковы, например, тонкие полотняные и шелковые ткани, о которых Гомер сказал:

...ткани ж

Были так плотны, что в них не впивалось и тонкое масло, [9 –
Страница 2

Плутарх О том, что пифия более не прорицает стихами filosoff.org
Horn., Od. VII, 107. О секрете изготовления плотных и тонких тканей –
Plut., Alex. 36; Athen., 582 D.] –

показывая этим сразу и тонкость, и плотность тканья, – масло в него не проникает, а скользит по нему и стекает, так как не может войти в плотную материю. А уж если допускать тонкость воздуха, то не только для извлечения патины, а еще и потому, что, смешивая лазурь с блеском и светом, она делает и самую окраску более приятной и яркой».

5

После этого воцарилось молчание, а затем проводники стали продолжать свои речи. Когда они привели какой-то стихотворный оракул, кажется, о царстве Эгона Аргосского, [10 – Эгон был легендарным царем Аргоса, преемником Гераклидов; здесь Плутарх упоминает оракул на его статуе, поставленной аргосцами в Дельфах после 369 г. до н. э., когда спартанцы после поражения при Левктрах старались своими дарами в Дельфах превзойти остальные греческие государства, и в частности Аргос (Paus., X, 10, 5).] диогениан сказал, что не раз удивлялся, какими слабыми и вялыми словами бывают выражены оракулы: «Этот бог хоть и предводительствует Музами и не менее причастен к красоте слова, нежели к благозвучию музыки и пения, далеко превосходя благогласием Гомера и Гесиода, но оракулы его, как мы видим, сплошь и рядом полны погрешностей и небрежностей как в метре, так и в словах».

На это бывший тут же поэт из Афин, Серапион, сказал: «Как? Мы верим, что это слова божества и смеем утверждать, что они уступают красотой Гомеру и Гесиоду? Нет, отвергнем лучше стихи Гомера и Гесиода как недостаточно прекрасные и исправим этим наш вкус, извращенный укоренившейся привычкою к дурному».

Но его перебил математик Боэт (ты ведь знаешь, что он уже перешел в стан Эпикура): «Разве ты не слышал, – сказал он, – о живописце Павсоне?»

«Не слышал», – ответил Серапион.

«А послушать стоит! Ему было заказано написать катающегося по земле коня, а он написал бегущего. Заказчик возмутился, а Павсон, смеясь, перевернул картину вверх ногами, и конь на ней оказался не бегущим, а катающимся по земле. [11 – Павсон – афинский художник начала IV в. до н. э., известный своей бедностью и остроумием; упоминается в некоторых комедиях Аристофана, например, Acharn. 854; Eccels. 949. История, приведенная Плутархом, изложена у Элиана (V, H; XIV, 15).] Так бывает, по словам Биона, с некоторыми речами, если их переиначить. Поэтому некоторые не скажут, что оракулы исходят от бога, а стало быть, хороши, но скажут, что оракулы нехороши, а стало быть, исходят не от бога. В самом деле: от бога ли они, это еще неясно. А что слова в них скверно отделаны, это, дражайший Серапион, ты отлично и видишь, и понимаешь: сам-то ты стихи пишешь по содержанию философские и серьезные, а по выражению, по приятности и по отделке слов похожие куда больше на стихи Гомера и Гесиода, чем на те, которые изрекает пифия».

6

Тогда Серапион ответил: «Это болезнь, Боэт; болезнь поразила нам глаза и уши, и от пресыщения и неги мы привыкли почитать и объявлять сладкое прекрасным. Вот мы и браним пифию за то, что она не поет нежней кифаристки Главки [12 – Главка с Хиоса – известная певица III в. до н. э., о «напевах Главки» похвально отзывается Феокрит (Идилл. IV, 31).] и нисходит в заповедное, не умастившись и не разодевшись в пурпур, и воскуряет при этом не кассию, не ладан, не ливийские травы, а лавр и ячменную муку. Разве ты не ви-дишь, – продолжал он, – сколько приятности в песнях Сапфо, чарующих и услаждающих слушателей? "А вот Сивилла безумными устами (как говорит Гераклит) издает звуки невеселые, неприглядные, неблагоуханные, но тысячи лет звучит этот голос" божьей силою. И у Пиндара сказано, что Кадм "слышал от бога прямую песнь", [13 – Pind. fr. 32 (Pindari carmina cum fragmentis,

Плутарх О том, что пифия более не прорицает стихами filosoff.org post B. Snell ed H. Maehler, Lipsiae, 1971).] а не слашавую, не изнеженную, не переливчатую. Ведь святое и бесстрастное чуждо услады, но вместе с Атой проникла услада в этот мир и более всего в людской слух». [14 – Этую мысль Плутарх развивает в своем трактате «О слушании», гл. 2, 38 А–В.]

7

Когда Серапион произнес это, Теон усмехнулся: «Ну, Серапион себя потешил, не упустил случая поговорить об Ате и об Усладе. Но мы, Боэт, даже будь эти слова не хуже Гомеровых, не станем думать, что их сочинило божество, – оно только было началом того движения, которое охватывало каждую пророчицу. И ведь если бы нужно было записывать, а не произносить оракулы, я думаю, мы почитали бы эти письмена божескими и не попрекали бы их за то, что они писаны не так красиво, как царские указы. И звук, и голос, и слова, и стихотворный размер принадлежат не богу, а жрице; а бог лишь рождает образцы фантазии и возжигает свет в душе для прозрения будущего – вот что такое вдохновение. А впрочем, от вас, пророков Эпикура, ускользнуть невозможно: древних пророчиц вы упрекаете за то, что они говорят плохими стихами, а нынешних – за то, что они произносят оракулы в прозе первыми попавшими словами, чтобы не держать перед вами ответ за стихи увечные, хромые и куцые».

«Не шути ради богов, – сказал ему Диогениан, – а ответь нам на общий наш вопрос. Ведь нет никого из нас, кто не задумывался бы над причиной того, что нынче прекратились вещания в гекзаметрах и дистихах».

Тогда Теон его перебил: «Боюсь, дитя, что мы сейчас мешаем нашим проводникам делать свое дело: пусть лучше они сперва его закончат, а потом ты спокойно сможешь рассуждать, о чем хочешь».

8

Тем временем мы уже прошли вперед и поравнялись со статуей тирана Гиерона. Гость наш, хоть и сам все знал, из вежливости держался внимательным слушателем. Но и он удивился, услышав, что стоящая наверху колонна Гиерона рухнула сама собой в тот самый день, когда в Сиракузах его настигла смерть.

И я стал тоже припоминать кое-что подобное, как, например, перед кончиной спартанца Гиерона, приключившейся в Левктрах, у его статуи выпали глаза; как помрачились звезды, которые принес в дар богу лисандр после битвы при Эгаспотамах, а каменная статуя его настолько вдруг поросла дикой травой, что лицо его оказалось скрытым; как при Сицилийском поражении[15 – События Сицилийской экспедиции Алкивиада в 415–413 гг. до н. э.] с финиковой пальмы стали падать золотые плоды, а щит Паллады поклевали вороны; как Книд-ский венок, который тиран фокейский Филомел преподнес танцовщице Фарсалии, погубил ее, когда она, уехав из Эллады в Италию, танцевала в Метапонте возле храма Аполлона: на этот венок бросились юноши, и, подравшись из-за золота, разорвали женщину.[16 – Историю последних дней сиракузского тирана Гиерона (правил в 478–467 гг. до н. э.) рассказывает Ксенофонт (Гиерон, I, 6, 32). Спартанец Гиерон – лицо неизвестное; возможно, что его упоминает Ксенофонт (Нелл. VI, 4, 9) в числе участников битвы при Левктрах (371). Некоторые исследователи «Моралий» принимали конъектуру «Гермон» – имя одного из командиров флота Лисандра при Эгаспотамах. Об исчезновении золотых звезд Диоскуров, поставленных Лисандром, см Plut., Lys. XVIII. О щите Паллады – Paus., X, 15. Тиран Филомел – правитель Фокиды в середине IV в. Для ведения так называемой Священной войны с фиванцами в 356 г. до н. э. он ограбил Дельфы; Афиней (605, С–Д) передает эту историю, ссылаясь на историка Феопомпа и заменяя Филомела Лампаком.] Так вот, Аристотель говорил, что только Гомер умел одушевлять слова своей энергией,[17 – Arist., Rhet. III, II, 1411 b.] а я сказал бы, что жертвенные дары здесь тоже безмерно одушевлены промыслом божиим и участвуют вместе с ним в знамениях; ничто в них не праздно и не бесчувственно, но все исполнено божества.

А Боэт добавил: «Вот уж можно сказать: мало нам раз в месяц заключать бога в смертное тело – мы его еще будем вмурывать во всякий камень и бронзу,

Плутарх О том, что пифия более не прорицает стихами filosoff.org как будто нам недостаточно созидающей Судьбы и Случая для подобных стечений обстоятельств». «Ты думаешь, стало быть, – сказал я, – что каждое из этих явлений – дело Судьбы или Случая? Ты убежден, что атомы сталкиваются, разлетаются, отклоняются с пути не раньше и не позже, а как раз в то самое время, когда каждый жертвователь задумывал что-то худое или доброе? И подсказал тебе это Эпикур, который изрек или написал такое 300 лет тому назад? И ты думаешь, что если бы бог не участвовал во всем и не смешивался бы со всем, то он и не мог бы быть причиной движений и перемен всего сущего?»

9

Вот что я ответил Боэту, а нечто подобное можно сказать и о Сивиллиных оракулах.

Когда же мы подошли к скале близ здания совета, на которой, говорят, восседала первая сивилла, пришедшая с Геликона и вскормленная Музами (некоторые же говорят, что она прибыла из страны Малиды и была Ламией, [18 – Павсаний (х, 12, 1) сообщает имя первой Сивиллы, которая была до культа Аполлона – Герофилла Эритрейская; имя первой дельфийской пророчицы осталось неизвестным. Ламия – баснословное чудовище, сосущее человеческую кровь, часто в сознании греков ассоциировалась с луной, которая воспринималась как некий призрачный лик. У Плутарха эта тема получила развитие в трактате «О лице, видимом на луне».] дочерью Посейдона), тогда Серапион вспомнил о стихах, в которых она прославила себя, объявив, что она не перестанет пророчествовать даже после смерти: сама она будет на луне, ставши ее видимым лицом, а дыхание ее растворится в воздухе и вечно будет носиться в изречениях и прорицаниях; тело же ее обратится в землю и прорастет травой и деревьями, а от этого вскорится священная паства, различной масти, разного вида, с разными особенностями во внутренностях, по которым будет людям раскрываться будущее.

Боэт рассмеялся в глаза, а особенно, когда гость сказал: «Пусть это и кажется сказками, но ведь предсказания подтверждаются гибелью и выселениями стольких греческих городов, вторжениями варварских войск, падениями государств; и даже самые недавние бедствия Кимы и Дикеархии[19 – Имеется в виду извержение Везувия в 79 г. н. э.] разве не воспеты и не прославлены сивиллиными стихами, чтобы свершиться в свое время как должное? Извержения горного огня, вскипающее море, камни и огненные глыбы в ветре, разрушение стольких и таких городов, которые будут стерты с земли так, что пришедшими через день уже не видно, где они находились, – во все это едва можно поверить, а не то что предсказать без помощи божества».

10

Но Боэт сказал: «Дорогой мой, а есть ли что в природе, что само собой не наступило бы со временем? Есть ли что-нибудь настолько невероятное и неожиданное на земле, на море, в городах, меж людей, чего нельзя было бы предсказать и что не оправдалось бы? Потому-то это не значит предсказывать, а значит болтать и бросать на ветер слова, ни на чем не основанные; а, вылетев, такие слова часто совпадают с судьбою и сбываются сами собой. Ведь, я полагаю, есть различие между понятиями "сказанное сбылось" и "сказано то, что сбудется". Слово о том, чего нет, всегда чревато ошибками; оно не в праве требовать непреложного доверия и оно лжет, когда приводит в доказательство верности пророчества последующие события, потому что в бесконечности времени все когда-нибудь сбывается. Больше того: тот "угадчик славный, которого пословица объявляет "лучшим предсказателем", [20 – Текст пословицы: «Тот лучший предсказатель, кто добро сулит».] подобен следопыту или сыщику, острым умом угадывающему и исследующему будущее; а все эти Сивиллы и Бакиды, [21 – Бакид, как и Мусей, один из наиболее известных легендарных предсказателей. Аристотель (Probлем. 954, а 36) причисляет его к людям «боговдохновенным».] словно в море, выбросили все свои бездоказательные сроки, наугад рассеяв имена и названия различных событий и случаев. И если что-то из этого случайно и сбудется, все равно то, что говорится теперь, останется ложью, даже если потом при случае и станет

Плутарх О том, что пифия более не прорицает стихами filosoff.org правдой».

11

Когда Боэт окончил речь, Серапион сказал: «Суждение это справедливо для предсказаний, по выражению Боэта,

неопределенных и бездоказательных: как, например, если полководцу предсказана победа – и он победил, городу предсказана гибель – и он погиб. А когда говорится не только о том, что именно произойдет что-либо и как, и когда, и после чего, и при чьем участии, то это не угадывание возможных событий, а полное разъяснение будущего. Таков, например, оракул о хромоте Агесилая:

Спарты! Одумайся ныне! Хотя ты, с душою надменной,
Поступью твердой идешь, но власть возрастишь ты хромую.
Много придется тебе нежданных бедствий изведать,

долго хлестать тебя будут волны губительной войны.[22 –

Plut., Ages. III; Lys. XXII, также Paus., III, 8, 9. Перевод М. Е. Грабарь-Пассек в кн. «Плутарх. Сравнительные жизнеописания». М., 1963, т. 2, стр. 112 и 306.]

А еще и оракул об острове, который поднялся из моря перед Ферой и Ферасией во время войны Филиппа с римлянами:

Время наступит, когда финикиян троянское племя
в битве большой победит, – и тогда же явления чуда
Произойдут: огнем невиданным вспыхнет пучина,
Молнии ринутся ввысь, ураганом несясь через воду,
Груды камней из глубин за собой увлекая, – и остров
Смертным доселе неведомый, встанет, – и слабые люди
Более сильных себе подчинят, одолев их в сраженьях.[23 –

Имеются в виду события Второй Македонской войны между римлянами и Филиппом V. Об острове упоминает Страбон (1,3, 16) и Юстин (XXX, 4,1).]

Тут уж, пожалуй, никто не скажет, что это совпадение случайное и произошло само собой: ведь порядок событий подтверждает предсказанное: римляне в короткое время победили Ганнибала и одолели карфагенян; Филипп, сам сразившись с этолянами и римлянами, был разбит; а из пучины вышел остров, причем извергался великий огонь и кипело море. И римлянам за 500 лет было предсказано время, когда им придется воевать со всеми народами сразу, – и это сбылось в войне с восставшими рабами.[24 – Имеется в виду восстание Spartaka. Ср. Plut., Cras. 8 слл.] В этих случаях ведь предсказание ничего бездоказательного и темного не предоставляло на волю судьбы, чтобы доискивались смысла в незнании; напротив, опыт дает нам все ручательства и указывает нам пути судьбы. Вряд ли кто стал бы утверждать, что лишь случайно совпали эти стихотворные оракулы с событиями. Иначе, Боэт, почему бы нам не сказать, что "Главные мысли"[25 – Сборник афоризмов Эпикура. Издание отрывков: Epicurea, ed. H. Usener, Lipsiae, 1887.] не Эпикур написал, а просто книжечка эта сама собой сложилась из случайного совпадения букв?»

12

Продолжая эти рассуждения, мы шли вперед. Но в Коринфской сокровищнице, осматривая бронзовую пальму, которая там одна осталась из пожертвований, Диогениан изумился, да и мы с ним, пожалуй, тоже, что у ее корней изваяны лягушки и водяные змеи. Ведь пальма – не болотное, не водолюбивое растение, как другие деревья, да и лягушки не подходят для коринфян в качестве знака или символа: это ведь не тот случай, когда жители Селинунта, говорят, посвятили золотую ветку салина (сельдерея), а жители Тенедоса – секибу, потому что у них в так называемом Астерионе появились крабы, которые одни, говорят, имеют на панцире знак секиры. Но ведь для Аполлона, как принято думать, вороны, лебеди, волки, ястребы любезнее, чем вот эти лягушки! И вот Серапион сказал, будто художник этим намекает, что именно воде солнце обязано своим возникновением, питанием, испарениями, силой. Может быть, ему

Плутарх О том, что пифия более не прорицает стихами filosoff.org послышались слова Гомера:

Гелиос с моря прекрасного встал..., [26 - Серапион излагает учение стоиков. далее Нот., Od. III, 1. Об египетских изображениях солнца см. трактат Плутарха «Об Исиде и Осирисе», гл. 41.]

а может быть, он увидел, что египтяне изображают начало и восход солнца в виде новорожденного младенца, сидящего на водяном лотосе.

А я на это сказал, смеясь: «Что же ты, мой милый, опять толкаешь нас в Стою и тянешь в разговор всякие испарения и возгорания? Этим ведь ты, подобно фессалиянкам, сводишь с небес луну и солнце, словно они произросли и берут начало отсюда, от земли и воды! Ведь Платон-то даже человека назвал "небесным злаком", потому что он тянется головой вверх, словно растет из корня. А вы смеетесь над Эмпедоклом, который говорит, что солнце произошло от отражения небесного света от земли, -

Свет отражает к Олимпу, взирая лицом бесстрастным. [27 - Эмпедокл, фр. 44.]

Сами-то вы и земнородное животное, и болотное растение объяляете солнцем, ибо солнце для вас – отечество лягушек и водяных змей!

Но пусть в этом трагически разбираются стоики, мы же лишь небрежно коснемся того, чего сами художники лишь небрежно касались, – ибо хоть и много у них изысканности, все же не совсем они свободны от натяжек и небрежностей.

Как, например, один ваятель изобразил на руке у Аполлона петуха [28 - Петух не входил в круг животных Аполлона; здесь упомянут, чтобы подчеркнуть солярный аспект почитания дельфийского бога.] в знак рассвета и утренней поры, так, пожалуй, кто-нибудь скажет, что лягушки здесь служат символом весны, когда солнце начинает царить в воздухе и растапливать снег, – если, конечно, вы признаете Аполлона и солнце не за двух богов, а за одного».

«А по-твоему разве не так? – сказал Серапион. – Разве ты думаешь, что солнце и Аполлон – вещи разные?»

«По-моему, – сказал я, – такие разные, как солнце и луна; но луна не часто и не ото всех скрывает солнце, а солнце всех равно заставило забыть про Аполлона, отвлекши чувством мысль от сущности к видимым явлениям».

13

Затем Серапион спросил проводников, почему эту сокровищницу они называют Коринфской, а не Кипселовой, хотя поставил ее Кипсел? [29 - Тиран Коринфа в VII в. до н. э., отец Периандра. Оракул предсказал ему опасность от родственников по материнской линии, поэтому мать, когда он был ребенком, долго хранила его в ящике (κρηπέχολ). Когда Кипсел вырос, он изгнал врагов и царствовал 39 лет. См. о нем у Геродота (I, 14, 20, 23; III, 48; V, 92, 95).] Так как те молчали и, должно быть, не знали, почему, то я со смехом сказал: «Вы думаете, они, оглушенные нашими речами о высоких материях, еще что-то знают или помнят? Ведь мы уже раньше от них слышали, что по низвержении тиарии коринфяне захотели и золотую статую в Писе, и здешнее сокровище надписать не именем тирана, а именем города. Дельфы признали это справедливым и согласились, но элейцев за то, что те им позавидовали, не стали допускать до участия в Истмийских играх. Вот почему с тех пор не было ни одного истмийского состязателя из элейцев, а вовсе не из-за убийства Молионидов Гераклом около Клеон, как полагают; напротив, будь это так, элейцы сами не стали бы допускать коринфян к играм, чтобы этим причинить им обиду». Вот, что я сказал. [30 - Молиониды – Эврит и Ктеат, сыновья Посейдона и Молионы, племянники царя Авгия, вступили в борьбу с Гераклом и были убиты. О них Нот. I, XI, 709; Pind., Ol. X, 30-40; Apollod., I, 7.]

14

Когда же мы миновали сокровищницу аканфян и Бра-сида, то проводник показал нам место, где некогда лежали железные вертела гетеры Родописы. Диогениан

Плутарх О том, что пифия более не прорицает стихами filosoff.org рассердился. «Значит, – сказал он, – Родописе можно было предоставить в городе место, куда откладывать десятину со своего дохода, а ее товарища по рабству, Эзопа, погубить?»[31 – История Эзопа и Родопис, которые находились в рабстве у одного и того же хозяина, рассказана у Геродота (И, 134–135). Эзоп был обвинен в похищении золотой чаши из дельфийского храма, и его сбросили со скалы; после этого Родопис была увезена в Египет, где ее выкупил брат поэтессы Сапфо.]

Серапион же на это сказал: «Что ты, дражайший, сердишься по такому поводу? Взгляни-ка туда наверх и ты увидишь золотую Мнесарету среди царей и полководцев – это о ней Кратет сказал, что это памятник невоздержанности греков».

Но юноша, взглянув, спросил: «А не о Фрине ли это сказал Кратет?»[32 – Афиней (591 В) излагает этот эпизод по сочинению некоего Алкета «О приношениях в дельфах», где Кратет назван киником.] – «Ну да, – ответил Серапион, – настоящее ее имя было Мнесарета, а прозвище Фрины («Жабы») получила она за желтоватую кожу. И немало имен вот так забыто за прозвищами. Так, говорят, мать Александра Поликсену называли потом и Мирталой, и Олимпиадой, и Стратоникой; Эвметию с Родоса многие до сих пор называют по отцу Клеобулиной,[33 – Ср. «О «Е» в дельфах», гл. III; также фрагменты средней комедии изображают ее одаренной умом и находчивостью: J. M. T. Edmonds. The fragm. of Attic comedy. Leyden, 1959, v. II, p. 420–421, fr. 104.] а Герофилу из Эритр, прирожденную гадательницу, прозвали Сивиллой. Ты же слышал от грамматиков, что Леду называли Мнесиноей, Ореста – Ахейцем (в тексте лакуна). ...Но каким образом ты мыслишь, – добавил он, глядя на Теона, – опровергнуть это обвинение насчет Фрины?»

15

Тот, спокойно улыбнувшись, отвечал: «Опровергну, да так, чтобы это тебе самому было укором за то, что ты бранишь эллинов за всякие мелочи. Вот ведь Сократ, например, на пиру у Каллия сопротивляется только умашению, но приемлет пляски детей, игру в кости, ласки, шутки[34 – Xen, Symp. II, 3; 11; 9; 22.] – так и ты, мне кажется, подобным образом закрываешь вход в святилище для женщины, недостойно воспользовавшейся цветом своей красоты, но видя вокруг бога первины и десятины от войн, убийств, грабежей, а в храме – груды остатков от военных эллинских добыч, ты не негодуешь, не жалеешь эллинов, читая на великолепных жертвенных дарах позорнейшие надписи: "Брасид и аканфяне – от афинян", "афиняне – от коринфян", "фокейцы – от фессалийцев", "ор-неаты – от сикионцев", "амфикионы – от фокейцев".[35 – Намек на события 422 г., когда спартанцы под предводительством Брасида разбили афинян, а также на сражение афинян в 459 г., для них победоносное, с коринфянами.]

И только Пракситель, получив здесь место для любовницы, вызвал этим гнев Кратета,[36 – Paus., X, 14, 7; 15, 1.] а ведь Кратет его должен был хвалить за то, что рядом с этими золотыми царями он поставил золотую гетеру, ибо сам Кратет порицал богатство как предмет, недостойный ни восхищения, ни почтания. Ведь в честь царей и правителей прекрасны жертвы лишь от справедливости, от великодушия, от здравомыслия, а не от обилия золота и роскоши, которые доступны и тем, кто провел жизнь наигнуснейшим образом».

16

«Что же ты не расскажешь, – сказал другой проводник, – что Крез посвятил здесь богу еще золотое изображение рабыни, которая пекла ему хлеб?»

«Да, – ответил Теон, – но он это сделал не с тем, чтобы обидеть бога такой роскошью, а по причине веской и справедливой. Ведь говорят, что Алиатт, отец Креза, взял себе вторую жену и имел от нее детей; и вот жена эта, замышляя зло против Креза, дала той хлебопекарше отраву и приказала замешать ее в хлеб и поднести Крезу. Но хлебопекарша украдкой сообщила об этом Крезу, отравленный же хлеб поднесла царицыным детям. За это Крез, когда воцарился, как бы при боге-свидетеле отблагодарил оказавшую ему такое благодеяние женщину.[37 – Herod., I, 51.]

Плутарх О том, что пифия более не прорицает стихами filosoff.org По такой же причине, – продолжал Теон, – любви и уважения достойны подобные приношения от греческих городов например, от опунтийцев. Когда фокидские тираны послали в переплавку множество приношений из золота и серебра, начеканили монет и пустили их по своим городам, то опунтийцы, собрав все, какие к ним попали, фокидские серебряные деньги, перелили их на сосуд, прислали его сюда и посвятили его богу.[38 – Имеются в виду события так называемой Священной войны 355–346 гг. до н. э.] Хвалю я и миринейцев, и аполлониатов, приславших сюда золотые снопы, а еще больше – эритрийцев и магнетов, принесших богу в дар даже первины народа своего как подателю плодов, как отцу, как родителю и человеколюбу. А мегарцев я осуждаю за то, что они, почти единственные, поставили здесь статую бога с копьем в руке. Это было после битвы, в которой они победили, выгнали из своего города афинян, занявших было его после Персидских войн.[39 – В 404 г. мегарцы изгнали афинян и заключили перемирие с тридцатью тиранами. См. Thuc, I, 114–115.] Правда, потом они посвятили все же богу золотой плектр, вероятно, следуя Скифии, который о лире говорит:

...а с нею сдружилось
Чадо прекрасное Зевса, начал и концов покровитель –
Бог Аполлон, – и плектр у него сияет как солнце».[40 –
Скифин – поэт, время жизни которого неизвестно. Здесь Плутарх обращается
также к стоической доктрине: еще Клеанф отождествлял солнце с плектром
(Clem. AL, Stromat. 8, 48).]

17

Но когда и Серапион собрался об этом что-то сказать, гость наш промолвил: «Хотя и приятно слушать подобные речи, но я должен попросить вас выполнить обещанное – рассказать, почему пифия перестала предсказывать гекзаметрами и другими стихами; если вы согласны, отложим остальной осмотр, присядем здесь и послушаем, в чем здесь дело. Ведь история эта – сильное возражение против веры в оракул, как там ее не толкуй: или так, будто пифия больше не приближается к месту, где пребывает божество, или так, будто уже полностью угасла в ней пневма и истощилась сила».

Итак, обойдя вокруг, мы уселись у основания южной стороны храма, возле святилища Геи, и стали смотреть на воду. Боэт тотчас же заметил, что даже место здесь способствует сомнениям гостя: «Ведь здесь, неподалеку от бьющего ключа, находилось святилище Муз, откуда брали воду для возлияний и омовений, как говорит Симонид:

Там непорочная влага
Прекраснокурдых Муз
Для омовений черплется сверху.[41 – Simonid., fr. 44.]

Несколько изысканнее тот же Симонид называет Клио "непорочной блюстительницей омовений" говоря при этом:

Во многих молитвах призывающая черплющими,
Ты, не в золото одетая,
Из амвростеских недр
Дай нам взять влаги благоуханной и милой...

Так что Эвдокс напрасно поверит тем, кто утверждал, будто вода эта называется Стиковой.[42 – Эвдокс Книдский – математик и астроном конца V в. до н. э. Здесь намек на доаполлоновскую «хтоничность» прорицалища. См. А. Ф. Лосев. Античная мифология. М., 1957, стр. 251.] А Музы были здесь поставлены как помощницы в гаданиях и хранительницы источника и святилища Геи, которой, говорят, принадлежало это прорицалище, ибо вещания здесь давались в стихах и песнях. Некоторые утверждают, что здесь впервые был услышан героический стих:[43 – Существует мнение, что ионийский диалект в оракулах указывает на то, что оракулы в своей метрической форме всего лишь подражали эпическому размеру (A. Croiset. Histoire de la littérature grecque, 1928).]

Перья сбирайте, о птицы, и мед приносите, о пчелы, –
а затем, когда почитание Муз было оставлено, торжественность изображения исчезла».

18

Серапион же сказал: «Вот это, Боэт, уже другой разговор – и лучше, и достойнее Муз. Не нужно восставать на божества и вместе с гаданиями отвергать и промысел, и божественное начало, а надо изыскивать разрешения кажущихся противоречий, не оставляя при этом благочестивой веры отцов».

«Правильно говоришь ты, благороднейший Серапион, – сказал я. – Ведь мы не думаем, что философия погибла и прекратила существование оттого, что раньше философы излагали свои учения и рассуждения в поэмах, как это делали Орфей, Гесиод, Парменид, Ксенофан, Эмпедокл, потом перестали пользоваться стихами, – все, кроме тебя: лишь в твоем лице поэзия вновь снисходит до философии, принося юношеству мысли правильные и благородные. И астрономию не сделали менее славной ученики Аристарха, Тимоха-рида, Аристилла, Гиппарха, которые пишут прозой, тогда как раньше Эвдокс, Гесиод, Фалес писали стихами, – если только в самом деле Фалес написал приписываемую ему "Астрономию". [44 – Аристарх Самосский – астроном III в. до н. э., Гиппарх – II в. до н. э., оба разработали теорию о движении Земли вокруг Солнца. Гесиоду в древности приписывали «Астрономию», Фалесу – «Мореплавательную астрономию».] Сам Пиндар признается, что в его век пришла в небрежение обработка напевов, недоумевает и удивляет ся... (в тексте лакуна). В том, чтобы исследовать причины подобных перемен, нет ничего ни странного, ни дурного, но отвергать искусства и их возможности, если даже что-то в них непостоянно и изменчиво, несправедливо».

19

Теон подхватил: «Это правда, что по части оракулов перемены и новшества были очень большие; но и очень давние оракулы, здесь произнесенные, как ты знаешь, часто были в прозе, хотя и касались предметов немаловажных. Как рассказывает Фукидид, лакедемонянам, вопрошившим о войне с афинянами, оракул возвестил победу и власть и обещал помочь по зову и без зова, а потом объявил, что если они не отзовут Павсания, то им придется пахать серебряным плугом. А когда афиняне спрашивали о сицилийском походе, он приказал привести из Эритре жрицу Афин, и оказалось, что звалась она Гесихией ("Тишиной"). Когда сицилиец Дейно-мен спрашивал о сыновьях своих, то бог ответил, что все трое станут тиранами. А на слова Дейномена: "Не пришлось бы им рыдать, Аполлон-повелитель!", – он сказал: "И это им также дается и возвещается!" И точно: вы ведь знаете, что Гелон страдал от водянки, а Гиерон – от каменной болезни, третий же, Фрасибул, среди распрай и войн скоро лишился власти. [45 – Thuc., I, 118, 3; V, 6] далее Прокл, тиран Эпидавра, властелин жестокий и беззаконный, ласково принял прибывшего к нему из Афин Тимарха, умертвил его, а тело его в корзине бросил в море. [46 – Herod., II, 52.]

Сделал он это с помощью Клеандра из Эгины, а больше никто об этом не знал. Но потом, когда вокруг началась смута, он послал сюда брата Клеотима, чтобы тот тайно спросил, куда ему бежать и где найти убежище, – а бог ответил, что бегство и убежище там, где он велел эгинцу склонить корзину, или там, где олень сбросит рога. И вот тиран понял, что бог велит ему утопить себя или похоронить (ведь олени, когда у них падают рога, закапывают их и прячут под землю); некоторое время он еще продержался, но когда дела его стали совсем плохи, то бежал; и тут-то друзья Тимарха схватили и убили его, а труп выкинули в море. И, наконец, самое важное, – ведь законы, которыми Ликург привел в порядок государство лакедемонян, были даны ему тоже в прозе. [47 – О «ретрах» Ликурга – Plut., Lyc. 13; более распространена версия о том, что он получил их от Аполлона; однако, как говорит Ксенофонт (Lac. polit. 8, 5), Аполлон только подтвердил и одобрил то, что было предложено Ликургом.]

И Геродот, и Филохор, и Истр, стремясь собирать оракулы стихотворные, записали, тем не менее, и множество прозаических. А Феопомп, больше всех занимавшийся нашим прорицалищем, очень порицал тех, кто сомневался, что и в его время пифия давала предсказания в стихах. Но когда он захотел доказать это, ему удалось собрать совсем немного стихотворных оракулов, потому что

Плутарх О том, что пифия более не прорицает стихами filosoff.org уже тогда они по большей части облекались в прозу.[48 - Афиней (605 А) сообщает, что феопомпом было написано сочинение «О деньгах, награбленных в дельфах», а названный выше филохор у Суды имеет характеристику «прорицатель и гадатель по внутренностям».]

20

Правда, некоторые из них и теперь оглашаются в стихах – из них один даже прославлен своим поводом.

Есть в Фокиде святилище Геракла Женоненавистника, жрец которого в течение года не должен иметь дела с женщиной; поэтому обычно жрецами там назначают стариков. Однако недавно один юноша, не плохой, но честолюбивый, влюбленный в девушку, принял это жречество. Сначала он былдержан и избегал ее; но однажды, когда он отдыхал после пира и пляски, она пришла к нему, и он сошелся с ней. Испуганный и смущенный, обратился он к оракулу и спросил бога, будет ли ему за этот грех искупление или прощение. Получил он такой ответ:

Бог дозволяет все необходимое.

Право, если кто будет настаивать, что в наше время не бывает оракулов кроме стихотворных, то еще труднее будет ему говорить об оракулах древних, потому что ответы всегда давались как в прозе, так и в стихах. А на самом деле, дитя, ни то, ни другое не противно здравому смыслу, если только суждения наши о боже чисты и нелукавы, а мы воображаем, будто он сам когда-то сочинял стихи и сам теперь подсказывает пифии оракулы в прозе и говорит сквозь нее, словно сквозь маску.

21

В другой раз об этом можно будет поговорить подробнее и пытливее, а сейчас мы лишь коротко напомним о том, что заведомо известно. А именно, что тело наше пользуется, как орудиями, многими своими органами; душа же пользуется самим телом и его частями; а сама душа есть орудие бога. Достоинство же орудия в том, чтобы всей своей природной способностью воспроизводить того, кто им пользуется, и являть через себя дело его мысли. Но замысел этот орудие показывает не таковым, каков он был у творца, – чистым, невредимым, непогрешимым, – а со многими посторонними примесями. Сам по себе он нам не виден, а будучи явлен в другом и через другое, он исполняется природы этого другого. Я не говорю даже о воске, золоте, серебре, бронзе и обо всем прочем, что принимает образ ваяемой сущности, но придает лишь вид запечатляемого сходства, в остальном же всякий раз привносит в воспроизведение собственные свои отличия; не говорю и о том, как один и тот же предмет дает бесчисленно разные изображения и подобия в плоских, выпуклых и вогнутых зеркалах... (в тексте лакуна). Но вот, например, солнце: ничто так не похоже на него с виду и ничто не служит ему таким послушным орудием, как луна; однако, заимствуя от солнца блеск и жар, она отражает их нам уже в ином виде: смешавшись с ней, они и окраску изменяют, и силу получают другую; теплота же вовсе исчезает и остается лишь слабый свет. Ты знаешь, наверное, слова Гераклита: "Владыка, чье прорицалище в дельфах, не вещает, не скрывает, но знаменует".[49 - Heracl., fr. 93.]

К этим прекрасным словам и прибавь нашу мысль: как солнце пользуется луной для того, чтобы его видели, так здешний бог пользуется пифией, чтобы его слышали. Он обнаруживает и является свои мысли, но обнаруживаются они не без примеси. Причина тому – смертное тело и душа человеческая, которая сама по себе к покоя неспособна и не может предоставить себя на волю движущего начала неподвижною и устойчивою, ибо как в море волнения ее сотрясают, внутренние порывы спирают, страсти смущают.

Подобно тому, как при падении врачающиеся тела не могут двигаться ровно, а поневоле продолжают вращение и в то же время по природе стремятся вниз, так что из сочетания двух движений возникает сбивчивое и беспорядочное движение, – так и то, что мы называем вдохновением, представляется смешением двух движений души – одного природного, другого – привнесенного извне. Телами неодушевленными и неизмененными невозможno пользоваться

Плутарх О том, что пифия более не прорицает стихами filosoff.org несогласно с их природой: невозможно вращать цилиндр, словно шар, а конус, словно куб или играть на лире, как на флейте, а на трубе, как на кифаре, и можно даже сказать, что применять каждую вещь "по правилам искусства" или "в соответствии с ее природой" – одно и то же. Так станет ли кто-нибудь с существом одушевленным, самодвижущимся, обладающим разумом и желаниями, обращаться иначе, чем применяясь к его природе, возможностям, складу: например, возбуждать музыкою ум немузикальный, грамматикою – ум неграмматический, логикою – ум не сведущий и не искушенный в логике? Конечно, нет.

22

В пользу мою свидетельствует и Гомер; [50 - Horn., II. II, 169.] он полагает, что если поискать, то ни одна причина не окажется, так сказать, "без бога"; однако в его представлении бог использует всех людей не как попало, а каждого по его способностям и умению. Разве ты не видишь, милый Диогениан, – продолжал Теон, – что Афина, когда она хочет убедить ахейцев, то обращается к Одиссею, когда нарушить клятву – ищет Пандара, когда опрокинуть троян, спешит к Диомеду? [51 - Horn., Od. II, 372; XV, 531; II. II, 172; IV, 92; V, 123.] Ибо один из них отважен и воинственен, другой – хотя и отличный стрелок, но безрассуден, а третий – разумен и мастер говорить. Ведь Гомер вовсе не думал так, как Пиндар, если только действительно Пиндару принадлежат слова:

Коль бог захочет, на тростинке выплыешь, –

но знал, что природные свойства и силы имеют всякую свою цель и действуют различно, даже если движутся все одним и тем же. Тот, кто ходит пешком, не может летать, картавый лишен ясного выговора, заике не достичь звучности голоса (я думаю, что и Батта бог послал в Ливию основать город именно из-за этого недостатка речи, потому что, хотя он был картав и заика, но умен, царственен и искусен в правлении), [52 - Herod., IV, 155.] точно так же невозможно человеку неграмотному и невежественному выражаться стихами.

А пифия, которая теперь служит здесь богу, заняла это место прекрасно и по праву, как никто другой, и жизнь прожила добродорядочно; но выросла она в бедном крестьянском доме и сошла она [53 - Указание на то, что прорицалище находилось под землей.] в это прорицалище, не принесши с собой никакого искусства, никакого опыта, никаких способностей. Как Ксенофонт полагает, что невеста мужа должна ему представлять, почти еще ничего в жизни не увидев и не услышав, [54 - Xen., Oes. VII, 5.] так и эта дева, будучи почти во всем неопытной и несведущей, поистине душой своей сожительствует с богом. Мы верим, что бог дает знамения в крике цапель, коростелей, воронов и не требуем, чтобы эти вестники и глашатаи богов говорили словесно и внятно, почему же мы хотим, чтобы голос и слова пифии, словно она вещает со сцены, не были просты и грубы, но долетали до нас в стихах, величаво, с украшениями слога, метафорами, да еще и под звуки флейты?

23

Тогда что же сказать о пифиях прежних времен? Пожалуй, тут сказать нужно многое. Сначала, как сказано, и они по большей части давали ответы в прозе. Далее время принесло с собой дарования и душевный склад, способные и склонные к поэзии, и тотчас же появились предчувствия, порывы, душевная готовность творить при малом внешнем воздействии или при игре воображения; так что не только философов и астрономов влекло к обычному их делу, но и от опьянения, и от сильного чувства, и от прилива печали, и от порыва радости люди обретали "сладкозвучную речь", и застолья наполнялись любовными стихами и песнями, а книги – писаниями. Еврипид, сказав:

Создаст поэта Эрос хоть из неуча, [55 - фрагмент из «Сфенебеи».]

подразумевал, что Эрос не вкладывает в нас, а пробуждает присущие, разогревает скрытые и дремлющие способности к музыке и поэзии. А то не сказать ли нам, гость, видя, что никто ни в стихах, ни в песнях, по Пиндарову слову,

не рассыпает, как стрелы, медвяные гимны свои, [56 – Isthm., II, 3. Плутарх меняет в цитате прошедшее время (*eroÇvov*) на настоящее (*roÇevei*).] –

не сказать ли, будто нынче никто не умеет любить, и Эрос покинул нас? Ясно, что это нелепость: ведь много любовных страстей и в наши дни обуревает людей, возбуждая души, не способные и не готовые к мусическому искусству, чуждые флейты и лиры, но от этого не менее пылкие и речистые, чем в старину. Грешно и стыдно было бы сказать, будто не ведает Эроса Академия и весь хор Сократа и Платона, – каждому открыты их беседы о любви, хотя стихов они и не оставили. И не все ли равно: сказать "не было влюбленных женщин, кроме Сапфо" или "не было пророчиц, кроме Сивиллы, Аристоники[57 – Аристоника, как рассказывает Геродот (VII, 140), дала афинянам два стихотворных оракула.] и прочих, которые вещали стихами"; как Херемон[58 – Херемон – трагик, время жизни его неизвестно, от сочинений сохранились отрывки.] говорил, что "вино смешиивается с характерами пьющих", так и любовное и пророческое вдохновение пользуется теми способностями, какие есть у одержимых, и каждого из них волнует сообразно с его природою.

24

А взглянувши на вопрос со стороны бога и провидения, мы увидим, что эта перемена была только к лучшему.

Употребление слова ведь подобно изменению курса монеты, имеющей в разное время разную ценность, употребительность и распространенность. И вот было время, когда словесной монетою людей были стихи, напевы и песни; и они-то перелагали в музыку и поэзию как всю историю и всю философию, так и попросту всякое сильное чувство и всякий предмет, требующий торжественного выражения. Что теперь с трудом понимают немногие, тем когда-то владели все:

и пасущие овец, и пахари, и птицеловы,

как говорит Пиндар,[59 – Isthm., I, 48.] не только слушали и радовались пению, но очень многие, по общей склонности к поэзии, сами лирою и пением поучали народ, смело говорили с другими, ободряли, приводили притчи и пословицы, а еще слагали в стихах и напевах гимны богам, молитвы, пеаны – одни по врожденной склонности, другие – по привычке. И бог не гнушался красотою и приятностью в искусстве предсказания и не отгонял от треножника чтимую Музу, а напротив, приближал ее, возбуждая поэтические дарования и радуясь им; он сам двигал воображением и вызывал к жизни слова величественные и цветистые, как наиболее уместные и восторг вызывающие.

Но когда жизнь изменилась, а вместе с ней изменились обстоятельства и дарования, то обиход отверг излишества, снял золотые пряжки, совлек мягкие ткани, острог пышные волосы, отвязал с ног котурны,[60 – «Излишества» относятся к началу классического периода; «золотые шпильки» употреблялись для высокой прически; котурны перед греко-персидскими войнами были привезены из Лидии; в это же время вошли в употребление длинные мягкие туники обо всем этом см. Thuc, I, 6, 3.] тогда люди совсем неплохо научились находить красоту в простоте, а не в роскоши, и прикрасу нехитрую и незатейливую ценить выше, чем пышную и избыточную.

И когда таким образом речь переменила свои словесные одежды, то история сошла с колесницы стихотворных размеров и стала в прозе четко отделять сказки от правды. И философия, предпочитавшая потрясению души ясность и поучительность, стала вести свои изыскания прозою. Тогда-то бог удержал пифию от того, чтобы она называла своих сограждан "жгущими огонь", спартанцев – "поедающими змей", мужей – "обитающими в горах", реки – "пьющими горы". Лишив предсказания стихотворной речи, непонятных слов, описательных выражений и неясности, божество стало так говорить с вопрошающими, как законы говорят с государствами, как цари встречаются с народами, как ученики слушают учителей, – то есть стремясь лишь к привычному и убедительному.

25

Следовало бы хорошо помнить слова Софокла, что божество

Пророчества в загадках мудрецам речет,
Глупцов же плохо учит даже краткостью.[61 - Soph., fr.
704.]

А когда в оракулах появилась ясность, то и доверие к ним, как и к другим вещам, стало меняться. Необычное, редкое, окольное и иносказательное многим казалось божественным и вызывало восторг и благоговение; а теперь люди, полюбившие учиться на том, что легко и ясно, без напыщенности и выдумок, стали обвинять облекавшую оракулы поэзию, подозревая, что она мешает мысли, выражениями своими внося в истину темноту и неясность, а иносказаниями, загадками, двусмысленностями предоставляя вещанию лазейки и убежища, чтобы укрыться в случае ошибки. Можно было от многих услышать, что вокруг прорицалища засели какие-то люди, которые перехватывают ответы оракула и втискивают их, словно в сосуды, в сочиненные наспех стихи, размеры, ритмы. Я не верю этой клевете и не стану говорить, будто все эти Ономакриты,[62 - Афинянин Ономакрит жил при Писистрате (VI в. до н. э.) и первым осуществил запись поэм Гомера. Геродот (VII, 6) называет его также «исследователем оракулов.】 Продики, Кинетоны виноваты перед оракулами, придав им совсем ненужную трагедийную пышность. Нет, больше всего поэзию обесславили шарлатаны, площадная чернь, бродяги, кривляющиеся возле святилищ Великой Матери и Сераписа.[63 - Восточные культуры были распространены во многих римских провинциях. Культ Кибелы (Великой Матери) пришел из Фригии во время греко-персидских войн; культ Сераписа распространился после походов Александра Македонского.】 Это они, иные устно, иные по каким-то гадательным книжкам, переделывали оракулы в стихи для челяди и для баб, падких на мерную и поэтическую речь. Вот почему, воочию став общим достоянием обманщиков, шарлатанов и лжепрорицателей, поэзия отлучила себя от истины и дельфийского треножника.

26

А что древние оракулы порой нуждались в некоторой двусмысленности, неясности, иносказательности, этому удивляться не приходится. Ведь никто, клянусь Зевсом, не опустился до того, чтобы вопрошать оракул о покупке раба или о ремесленных заботах: нет, обращались к богу могущественные государства, цари и тираны, замышлявшие необычное; огорчать и озлоблять их, заставляя слушать много неугодного, служителям оракула было невыгодно. Ведь бог не подчиняется Еврипиду, который провозгласил как закон, что

лишь фебу должно людям прорицать.[64 - Eur., Phoen., 958.]

Нет, он пользуется смертными служителями и пророками и вынужден о них заботиться, остерегая божьих слуг от дурных людей; поэтому бог, не желая скрывать истину, открывает ее в измененном виде: ясность ее преломляется поэзией, дробясь на отдельные лучи и теряя от этого прямоту и жесткость. Нужно было, чтобы тираны пребывали в неведении и не знали заранее о своих врагах. Так вот для них-то бог и прибегал к намекам и двусмысленностям, которые скрывали смысл сказанного, но не давали ему ускользнуть и не вводили в заблуждение тех, кто нуждался в понимании и слушал внимательно.[65 - Геродот (I, 47 и 55) приводит затемненные оракулы, данные Крезу.] Поэтому в высшей степени наивен тот, кто клевещет на бога и обвиняет его за то, что в новых обстоятельствах он подает нам помощь новым способом.

27

Главная польза от стихотворной формы была в том, что слова, связанные стихотворным размером, лучше запоминались и усваивались. А тогдашним людям нужна была хорошая память. Ведь вещания говорили о многом: и о приметах места, и об удобном времени для предприятий, и о святилищах заморских богов, и о неведомых могилах героев, которые трудно найти вдалеке от Эллады. Вы ведь знаете, сколько нужно было указаний Хиосцу, Кретину, Гнесиоху, Фаланту[66 - Текст испорчен и имена сомнительны. Наиболее достоверный из них – упомянутый во фрагментах поэмы Скимна один из

Плутарх О том, что пифия более не прорицает стихами filosoff.org основателей Синопы Кретин.] и другим вождям переселенцев, чтобы найти назначенное каждому место поселения. Некоторые из них сбивались с пути, как, например, Батт. Ему показалось, что его постигнет неудача, и он не нашел того места, куда был послан; тогда он пришел вопросить второй раз, и бог ему изрек:

Если ты лучше меня, бывавшего в Ливии, знаешь Землю, кормящую агнцев, то мудрость твоя мне завидна.[67 - Herod., IV, 155–157.]

Этими словами бог вторично послал его туда же. А Лисандр, пренебрегши сведениями об Орхалидеком холме, который называется еще и Лисьим, по реке Гоплит,

и о драконе, землей порожденном, крадущемся с тыла,[68 - Plut., Lys. 29.]

был побежден в бою и погиб в тех же местах от руки Неохора из Галиарта, мужа, у которого был щит с изображением змеи.

Однако нет необходимости перечислять вам и без того известные случаи из прошлого, чтобы загромождать ими память.

28

Мне гораздо приятнее и отраднее говорить о тех делах, о которых вопрошают бога в наши дни. Ведь нынче всюду прочный мир и спокойствие, нет больше ни войн, ни переселений, ни мятежей, не существует тирании, нет прочих бед и болезней Эллады, как будто они исцелены действием необыкновенных лекарств.

Там, где нет никакого разногласия, ничего тайного, ничего страшного, где возникают вопросы о делах малых и всем доступных, словно школьные упражнения: "жениться ли мне", "пуститься ли в плавание", "ссудить ли деньги", [69 - даже император Адриан ездил в Дельфы вопрошать о родине Гомера (Апл. Ра1. XIV, 102).] и даже города задают вопросы разве что о плодородии, приплоде скота, о здоровье граждан – там слагать стихи, изощряться в иносказаниях, прискакивать редкие слова, где нужен лишь короткий и простой ответ на вопрос, – способен лишь тщеславный софист, который рисуется перед прорицалищем. А пифия, по благородству души своей спускаясь к святыне и общаясь с богом, больше заботится о правде, чем о мнении хвалителей и хулителей.

29

Может быть, и нам следовало бы брать с нее пример. Но раз уж мы вступили в спор, не желая, чтобы место это потеряло свою трехтысячелетнюю славу и чтобы иные люди не отвернулись от оракула с презрением, как от болтовни софиста, то мы и произносим защитительные речи и приискиваем причины тому, чего не знаем и что нам даже не следует знать; мы убеждаем и успокаиваем хулителя, не давая ему уйти, потому что

Это сугубое горе ему самому обратится,[70 - Нот., Ос1. II, 190.]

если у него такое мнение об оракуле, что он вот эти изречения мудрецов "Познай самого себя" и "Ничего лишнего" с готовностью принимает и восхищается их краткостью, которая заключает в малом объеме сжатую и вескую мысль, но оракулы за такую же краткость, простоту и прямоту их слога только бранят. А ведь подобные изречения похожи на реки, протекающие в теснинах: в них нет ни прозрачности, ни ясности, но если ты посмотришь, что написано или сказано о них у тех, кто потрудился в них вникнуть, то увидишь такие большие сочинения, длиннее которых трудно найти.

Математики называют прямую линию кратчайшей из линий между двумя точками: таков и язык пифии – без выгибов, без петель, без повторов, без двусмысленностей, как прямая дорога ведет он к истине; он открыт для любых сведений и проверок, и все эти испытания он до сего дня всегда выдерживал с честью. А прорицалище свое он наполнил приношениями и дарами от эллинов и

Плутарх О том, что пифия более не прорицает стихами filosoff.org варваров, украсил превосходными постройками и убранством, достойным амфиктионий.

Посмотрите, как много выстроено, чего раньше не было, как много восстановлено разрушенного и поврежденного. Подобно тому, как рядом с плодоносящими деревьями подрастают молодые, так вместе с Дельфами цветет юность, набирается сила Пилея,[71 - Пилея – предместье Дельф.] благодаря здешним богатствам украшаясь и благоустраиваясь и храмами, и общественными зданиями, и водоемами, каких никогда в ней не было за тысячу лет. Обитатели Галаксии в Беотии чувствовали присутствие бога по изобилию и избытку молока:

из всех овец, как лучшая вода из источников, нежное
струилось молоко; торопливо наполнялись им чаны,
ни мех, ни кувшин не пустовали в домах, полны были
деревянные бочки и подойники.

А наш бог дает знамения еще яснее, еще надежнее, еще ослепительнее, сотворив здесь, так сказать, из бесплодия прежних времен изобилие, почет и блеск. Я горжусь собой, что всему этому и я принес усердие и пользу вместе с Поли-кратом и Петреем;[72 - Луций Кассий Петрей выведен Плутархом в «Застольных вопросах» (V, 2), где он назван «агонофетом при пифии». Поликрат из Сикиона – потомок стратега Арата Сикионского (271–213 гг. до н. э.), возглавлявшего Ахейский союз.] я ценю и того, кто во главе этого общественного дела столь многое обдумал и подготовил, но все равно не могла такая великая и прекрасная перемена за такое малое время совершиться одними людскими усилиями, если бы здесь не присутствовал сам бог, осеняя свое прорицалище.

30

Но как в давние времена были люди, порицавшие запутанность и темноту оракулов, так и теперь находятся осуждающие чрезмерную их простоту. Но ревность их – ребячество, и негодование – глупость. Как дети радуются и ликуют при виде радуги, комет, светящегося нимба вокруг солнца или луны, так и эти люди жаждут от пророчества загадок, иносказаний, переосмыслений всех этих окольных путей к воображению смертных. А по-должному уразуметь причину совершившейся перемены люди не могут, и вот они уходят прочь, осуждая божество. А ведь это себя и нас следовало бы им осудить за то, что мы не в силах проникнуть рассудком в божественный промысел».

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/>

Приятного чтения!

notes

Примечания

1

Спарты («посеянные») – эпитет воинов, выросших из зубов убитого Кадмом дракона. Этот мифологический образ выполняет здесь чисто стилистическую функцию, связывая два разных понятия: «словесного сражения», «споры» и «растления» Ср. Paus., IX, 10, 1.

2

Корикий – грот на Парнасе примерно в двух часах ходьбы от Дельф. Ср. Paus., X, 6, 2-3 и 32, 2.

3

ликория (Λυκόρια); чтение, принятое Платоном, – Λυκούρια (лику-рия) – легендарный город на Парнасе, см. Paus., X, 6, 2.

4

диогениан Старший выведен Плутархом в «Застольных вопросах» (VII, 7, 8; VIII, 1, 66; 2; 9), где он принимает живое участие в разговорах на самые разнообразные темы и обнаруживает большую начитанность и осведомленность в литературе классического периода, чему импонирует место его происхождения, названное Плутархом, – Пергам. «Вот добрый отпрыск доброго отца» – пословица, ср. Plato, Resp. 368 A.

5

После битвы при Эгиспотамах (405 г. до н. э.) Лисандр поставил в Дельфах бронзовые статуи всех навархов и свою (Plut., Lys. 18).

6

Сплав золота и серебра, применяемый в античности для чеканки и полуды, под названием *rjXeictrōv*, упоминается Страбоном (III, 2). Коринфская бронза описана у Павсания (II, 3, 3) и более подробно у Плиния Старшего, который говорит о ее трех видах: беловатая, с серебристым отливом от содержащегося в ней по преимуществу серебра, желтая, с золотистым отливом – от избытка золота, и третья – цвет ее Плинием не обозначен, – содержащая все три компонента в равных частях (HN, XXXIV, 3).

7

Строка из произведения неизвестного комедиографа.

8

Из неизвестного сочинения Аристотеля.

9

Horn., Od. VII, 107. О секрете изготовления плотных и тонких тканей – Plut., Alex. 36; Athen., 582 D.

10

Эгон был легендарным царем Аргоса, преемником Гераклидов; здесь Плутарх упоминает оракул на его статуе, поставленной аргосцами в Дельфах после 369 г. до н. э., когда спартанцы после поражения при Левктрах старались своими дарами в Дельфах превзойти остальные греческие государства, и в частности Аргос (Paus., X, 10, 5).

11

Плутарх О том, что пифия более не прорицает стихами filosoff.org
Павсон – афинский художник начала IV в. до н. э., известный своей бедностью
и остроумием; упоминается в некоторых комедиях Аристофана, например,
Acharn. 854; *Eccels.* 949. История, приведенная Плутархом, изложена у Элиана
(V, H; XIV, 15).

12

Главка с Хиоса – известная певица III в. до н. э., о «напевах Главки»
похвально отзываются Феокрит (Идилл. IV, 31).

13

Pind. fr. 32 (*Pindari carmina cum fragmenta*, post B. Snell ed H. Maehler,
Lipsiae, 1971).

14

Эту мысль Плутарх развивает в своем трактате «О слушании», гл. 2, 38 А–В.

15

События Сицилийской экспедиции Алкивиада в 415–413 гг. до н. э.

16

Историю последних дней сиракузского тирана Гиерона (правил в 478–467 гг. до н. э.) рассказывает Ксенофонт (Гиерон, I, 6, 32). Спартанец Гиерон – лицо неизвестное; возможно, что его упоминает Ксенофонт (Hell. VI, 4, 9) в числе участников битвы при Левктрах (371). Некоторые исследователи «Моралий» принимали конъектуру «Гермон» – имя одного из командиров флота Лисандра при Эгоспотамах. Об исчезновении золотых звезд Диоскуров, поставленных Лисандром, см Plut., Lys. XVIII. О щите Паллады – Paus., X, 15. Тиран Филомел – правитель Фокиды в середине IV в. Для ведения так называемой Священной войны с фиванцами в 356 г. до н. э. он ограбил Дельфы; Афиней (605, C–D) передает эту историю, ссылаясь на историка Феопомпа и заменяя Филомела Лампаком.

17

Arist., Rhet. III, II, 1411 b.

18

Павсаний (X, 12, 1) сообщает имя первой Сивиллы, которая была до культа Аполлона – Герофила Эритрейская; имя первой дельфийской пророчицы осталось неизвестным. Ламия – баснословное чудовище, сосущее человеческую кровь, часто в сознании греков ассоциировалась с луной, которая воспринималась как некий призрачный лик. У Плутарха эта тема получила развитие в трактате «О лице, видимом на луне».

19

Имеется в виду извержение Везувия в 79 г. н. э.

20

Текст пословицы: «Тот лучший предсказатель, кто добро сулит».

21

Бакид, как и Мусей, один из наиболее известных легендарных предсказателей. Аристотель (Problem. 954, а 36) причисляет его к людям «боговдохновенным».

22

Plut., Ages. III; Lys. XXII, также Paus., III, 8, 9. Перевод М. Е. Грабарь-Пассек в кн. «Плутарх. Сравнительные жизнеописания». М., 1963, т. 2, стр. 112 и 306.

23

Имеются в виду события Второй Македонской войны между римлянами и Филиппом V. Об острове упоминает Страбон (1,3, 16) и Юстин (XXX, 4,1).

24

Имеется в виду восстание Spartaka. Ср. Plut., Cras. 8 слл.

25

Сборник афоризмов Эпикура. Издание отрывков: Epicurea, ed. H. Usener, Lipsiae, 1887.

26

Серапион излагает учение стоиков. далее Нот., Od. III, 1. об египетских изображениях солнца см. трактат Плутарха «Об Исиде и Осирисе», гл. 41.

27

Эмпедокл, фр. 44.

28

Петух не входил в круг животных Аполлона; здесь упомянут, чтобы подчеркнуть солярный аспект почитания дельфийского бога.

29

Тиран Коринфа в VII в. до н. э., отец Периандра. Оракул предсказал ему опасность от родственников по материнской линии, поэтому мать, когда он был ребенком, долго хранила его в ящике (κρηπέχοι). Когда Кипсел вырос, он изгнал врагов и царствовал 39 лет. См. о нем у Геродота (I, 14, 20, 23; III, 48; V, 92, 95).

30

Молиониды – Эврит и Ктеат, сыновья Посейдона и Молионы, племянники царя Авгия, вступили в борьбу с Гераклом и были убиты. О них Нот. И, XI, 709; Pind., Ol. X, 30–40; Apollod., И, 7.

31

История Эзопа и Родопис, которые находились в рабстве у одного и того же хозяина, рассказана у Геродота (И, 134–135). Эзоп был обвинен в похищении золотой чаши из дельфийского храма, и его сбросили со скалы; после этого Родопис была увезена в Египет, где ее выкупил брат поэтессы Сапфо.

32

Афиней (591 В) излагает этот эпизод по сочинению некоего Алкета «О приношениях в Дельфах», где Кратет назван киником.

33

Ср. «О «Е» в Дельфах», гл. III; также фрагменты средней комедии изображают ее одаренной умом и находчивостью: J. M. T. Edmonds. The fragm. of Attic comedy. Leyden, 1959, v. II, p. 420–421, fr. 104.

34

Xen, Symp. II, 3; 11; 9; 22.

35

Намек на события 422 г., когда спартанцы под предводительством Брасида разбили афинян, а также на сражение афинян в 459 г., для них победоносное, с коринфянами.

36

Paus., X, 14, 7; 15, 1.

37

Herod., I, 51.

38

Имеются в виду события так называемой Священной войны 355–346 гг. до н. э.

39

В 404 г. мегарцы изгнали афинян и заключили перемирие с тридцатью тиранами. См. Thuc, I, 114–115.

40

Скифин – поэт, время жизни которого неизвестно. Здесь Плутарх обращается также к стоической доктрине: еще Клеанф отождествлял солнце с плектром (Clem. AL, Stromat. 8, 48).

41

Simonid., fr. 44.

42

Эвдокс Книдский – математик и астроном конца V в. до н. э. Здесь намек на доаполлоновскую «хтоничность» прорицалища. См. А. Ф. Лосев. Античная мифология. М., 1957, стр. 251.

43

Существует мнение, что ионийский диалект в оракулах указывает на то, что оракулы в своей метрической форме всего лишь подражали эпическому размеру (A. Croiset. Histoire de la littérature grecque, 1928).

44

Аристарх Самосский – астроном III в. до н. э., Гиппарх – II в. до н. э., оба разработали теорию о движении Земли вокруг Солнца. Гесиоду в древности приписывали «Астрономию», Фале-су – «Мореплавательную астрономию».

45

Thuc, I, 118, 3; V, 6

46

Herod., III, 52.

47

О «ретрах» Ликурга – Plut., Luc. 13; более распространена версия о том, что он получил их от Аполлона; однако, как говорит Ксенофонт (Lac. polit. 8, 5), Аполлон только подтвердил и одобрил то, что было предложено Ликургом.

48

Афиней (605 A) сообщает, что Феопомпом было написано сочинение «О деньгах, награбленных в Дельфах», а названный выше филохор у Суды имеет характеристику «прорицатель и гадатель по внутренностям».

49

Heracl., fr. 93.

50

Horn., II. II, 169.

51

Horn., Od. II, 372; XV, 531; II. II, 172; IV, 92; V, 123.

52

Herod., IV, 155.

53

Указание на то, что прорицалище находилось под землей.

54

Xen., Oec. VII, 5.

55

Фрагмент из «Сфенебеи».

56

Isthm., II, 3. Плутарх меняет в цитате прошедшее время (*ero&vov*) на настоящее (*roÇevei*).

57

Аристоника, как рассказывает Геродот (VII, 140), дала афинянам два стихотворных оракула.

58

Херемон – трагик, время жизни его неизвестно, от сочинений сохранились отрывки.

59

Isthm., I, 48.

60

«Излишества» относятся к началу классического периода; «золотые шпильки» употреблялись для высокой прически; котурны перед греко-персидскими войнами были привезены из Лидии; в это же время вошли в употребление длинные мягкие туники обо всем этом см. Thuc, I, 6, 3.

61

Soph., fr. 704.

62

Афинянин Ономакрит жил при Писистрате (VI в. до н. э.) и первым осуществил запись поэм Гомера. Геродот (VII, 6) называет его также «исследователем оракулов».

63

Восточные культуры были распространены во многих римских провинциях. Культ Кибелы (великой Матери) пришел из Фригии во время греко-персидских войн; культ Сераписа распространился после походов Александра Македонского.

64

Eur., Phoen., 958.

65

Геродот (I, 47 и 55) приводит затменные оракулы, данные Крезу.

66

Текст испорчен и имена сомнительны. Наиболее достоверный из них – упомянутый во фрагментах поэмы Скимна один из основателей Синопы Кретин.

67

Herod., IV, 155–157.

68

Plut., Lys. 29.

69

даже император Адриан ездил в Дельфы вопрошать о родине Гомера (Апл. Ра1. XIV, 102).

70

Нот., Oc1. II, 190.

71

Плутарх О том, что пифия более не прорицает стихами filosoff.org
Пилея – предместье Дельф.

72

Луций Кассий Петрей выведен Плутархом в «Застольных вопросах» (V, 2), где он назван «агонофетом при пифии». Поликрат из Сикиона – потомок стратега Арата Сикионского (271–213 гг. до н. э.), возглавлявшего Ахейский союз.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!